

ВЕРБАЛЬНО-АССОЦИАТИВНЫЙ ДИАПАЗОН ПРИРОДНЫХ РЕАЛИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

L.A. Usmanova

VERBAL ASSOCIATIVE RANGE OF NATURAL REALITY IN THE SPACE OF LITERARY TEXT

Современный этап изучения и обучения языкам, ориентированный на семантикоцентрический подход, исходит из синергетического взаимодействия двух основных функций языка: мыслеформирующей и коммуникативной, в связи с чем обращение к аспектам систематизации и концептуализации окружающего мира в языковом сознании приобретает особую значимость в силу своей направленности на осмысление и познание человеком себя и своего места в мире.

Изменения в природе как объективно существующие явления издревле привлекали внимание человека, все проявления природных стихий он воспринимал сквозь призму своих ощущений; по словам А.Н. Афанасьева, «всякое явление, созерцаемое в природе, делалось понятным и доступным человеку только через сближение со своими собственными ощущениями и действиями, и так как эти последние были выражением его воли, то отсюда можно заключить о бытии другой воли (подобной – человеческой), кроющейся в силах природы» [1, с. 59]. Анимизм, подразумевающий одушевление и обожествление природных сил и материальных объектов, становится, таким образом, ведущим принципом в отношениях человека с Природой, что подтверждает богатый материал художественной речи, в которой презентация «иллюзии реальности» является своего рода моделью сознания автора, определенным образом преломляющего реальный мир. Благодаря особым условиям функционирования слово в ткани словесно-художественного творчества семанти-

чески преобразуется, включает дополнительные смыслы, коннотации, ассоциации, вскрывающие свойства его прототипа и эксплицирующие новые признаки объекта на основе его системных и несистемных связей, возникших в авторском сознании.

В фокусе нашего внимания – лексема *дождь* в текстовом пространстве художественных произведений И.А. Бунина, в «словесном живописании» которого исследователи усматривают истоки новой образности, обусловленные, прежде всего, его личностными особенностями, повышенной впечатлительностью, редкой наблюдательностью и зоркостью [2]. Синтагматика бунинского дискурса базируется на ближних и дальних ассоциативных связях, создающих неповторимые образы, обновляющие и обогащающие уже существующие.

Образная сочетаемость в произведениях Бунина стимулируется этнокультурными константами русского народа, для которого архетипический образ дождя связан со стихией воды, олицетворявшейся в донаучном сознании с женским началом, материнским молоком, «питающим землю и воздух» [3, с. 165–176]. В последующие периоды развития славянской цивилизации стало доминировать представление о дожде как о «мужеском элементе» [4], ассоциирующемся в народном сознании с плодородием, шире – с жизнью, оплодотворением земли высшими богами. Данное явление отождествлялось с мотивом иерогамии неба и земли, воспринималось как живительная и очистительная сила, имеющая целебное действие, а также наделяющая людей мудростью и даром предвидения [5].

Традиционные представления подвергаются в художественном тексте авторским корректировкам, накладывающим на них дополнитель-

¹ Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета.

© Усманова Л.А., 2014.

ные смысловые пласты. Дистрибутивные связи с метафоризируемыми глаголами создают традиционную линию ассоциативного сходства по двум направлениям: персонификация и опредмечивание.

В рамках первой модели рассматриваемые лексемы предстают в образе живых существ, являющихся каузаторами изменений в окружающем мире. Метафоры данного типа реализуют, в свою очередь, антропоморфную и зооморфную природу субъекта. Ассоциативные модели в рамках данной линии вербализуются на уровне предикативной сочетаемости за счет употребления глаголов движения, действия и воздействия, речевой деятельности, звучания и др.

Олицетворение создается за счет глаголов и их форм с семантикой движения, актуализирующих компонент значения «интенсивность процесса» (*бежать, пробегать, промчаться, спешить, лететь (на голову)* и др.): *Стекланный, редкий и ядреный, / С веселым шорохом спеша, / Промчался дождь, и лес зеленый / Затих, прохладой дыша* («Перед закатом набежало...»).

Как показывают наблюдения, при описании дождя глагольные группы активно используются совместно в пределах одного контекста и образуют расширенные предикативные ряды. Так, показателен пример, в котором семантика интенсивности и звуковой характеристики дождя передается через описание образа птичьей стаи: *Я страдал, скучал, – как нарочно, дня три шел дождь, мерно бежал, стучал тысячами лапок по крыше, в доме было сумрачно* («Темные аллеи»).

Антропоцентрическая модель «дождь – слёзы», опирающаяся на русский фольклор, варьируется в соответствии с авторскими установками, нацеленными на выражение определенной гаммы чувств и настроений (тоска, тревога, испуг, скорбь и т. п.) и связана, как правило, с ночными переживаниями лирического героя: *Старый сад всю ночь гудел угрюмо / Дождь шумел и, словно капли слёз, / Падал он в холодный снег на землю / С голых сучьев стонущих берез* («Старый сад всю ночь гудел угрюмо...»); *Ночь порывисто очнется / И обильными слезами / Вся тоска ее прольется!* («Последняя гроза»).

В метафорическом сочетании *дождь слёз* опосредованная валентность основана на совпадении семантического окружения компонентов значения (дождь льёт – слёзы льются – дождь слёз): *И весел звучный лес, и ветер меж берез / Уж веет ласково, а белые березы / Роняют тихий дождь своих алмазных слёз / И улыбаются*

сквозь слёзы («Как дымкой даль полей закрыв на полчаса...»). Образ падающих капель дождя, уподобленных алмазным слезам, порождает целый комплекс ассоциаций, связанных с блеском, звонкостью, чистотой, красотой, что создает особый экспрессивный фон поэтического текста, вызывающий определенные эмоции у читателя.

Линия опредмечивания лексемы *дождь* проявляется в ассоциативных связях с конкретными предметами, веществами или физическими явлениями, выявляющими чувственное восприятие данного природного явления на уровне зрительных, осязательных, слуховых ощущений. Данная тенденция прослеживается в ассоциативных связях, обнаруживающих у дождя свойства конкретных предметов и объектов, связанных с жизнедеятельностью человека: *капли дождя – шляпка гвоздя / иглы / бисер / блески / алмазы / звезды: Вот капля, как шляпка гвоздя, / Упала <...>* («Нет солнца, но светлы пруды...»); *<...> где-то прокатился гром и крупными звездами зашлепал по пыли и пролетке быстрый, редкий дождь* («Три рубля»).

Интересны случаи переосмысления исходной лексемы, появления у нее качественных значений [6]. Дождь – уже не обозначение природного явления, а эпитет, называющий признак предмета: *Мелкие кузнечики сухим дождем непрерывно сыплются из подорожника* («Далекое»); *На фронте их всегда сидели сытые голуби, между тем как тысячи воробьев дождем пересыпались с крыши на крышу* («Антоновские яблоки»). Метафорическая валентность основана на изменении семантики одного из компонентов, высвечиваются новые, имплицитные смыслы, противоречащие денотативному содержанию (*сухой дождь*) и ассоциативно сближающие дождь как совокупность мелких частиц и стаю воробьев или рой кузнечиков.

Итак, ассоциативные маршруты лексемы *дождь* в текстовом пространстве художественной речи, способствующие сближению далеких при своем узуальном значении лексических единиц, выявляют бесконечный потенциал семантического развития данного слова, отображающего свойство человеческого мышления «стремиться к безостановочному развитию» в осмыслении бесконечной действительности, и это отражение оно [слово – У.Л.] «воспринимает творчески, все время его обрабатывая и перерабатывая, удаляясь от него и приближаясь к нему как можно максимально, иной раз искажая эту действительность и даже нападая на нее, а иной раз передульвая эту действительность в неожиданно новом направлении» [7, с. 128].

Литература

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – М. : Древо жизни, 1982. – 754 с.
2. Бонами Т.М. Художественная проза Бунина. 1887–1904. – Владимир, 1962. – 108 с.
3. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / пер. с фр. Б.М. Скуратова. – М. : Изд-во гуманит. лит-ры, 1998 (Французская философия XX века). – 268 с.
4. Шеппинг Д.О. Мифы славянского язычества. – М., 1849.
5. Словарь символов / под ред. Н. Жюльен. – Екатеринбург : Урал LTD, 1999. – 500 с.
6. Усманова Л.А. Синтагматика как фактор экспликации картины мира писателя // Филология и культура (Philology and Culture). – 2013. – № 3 (33). – С. 139–144.
7. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М. : Издательство Моск. университета, 1982. – 480 с.